

ОН НЕ ИГРАЛ КОРОЛЯ. ОН ИМ БЫЛ

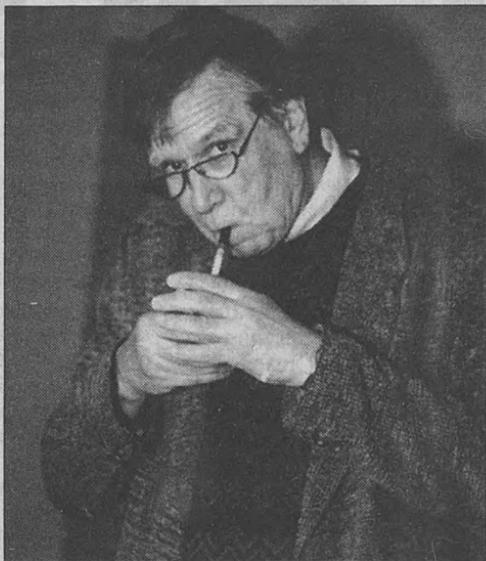
Ушел из жизни Николай Волков

Почему-то в голову все время лезут какие-то детали. Например, как Коля Волков идет в театр. Издалека виден в своем длинном плаще. Приходит всегда раньше, идет медленно. Увидев, машет рукой. Останавливается у будочки с кофе, покупает две чашки и идет оставшиеся двадцать метров через толпу на Тверской, балансируя с этими идиотскими пластиковыми стаканчиками, чтобы не облиться. Иногда будочка закрыта — тогда у него трагические глаза: киоск закрыт! Все стараются сбежать ему за кофе, от помощника режиссера до костюмерши. Почему-то это уже у всех как примета: когда перед Волковым две чашки кофе — все идет нормально.

Перед спектаклем кто-то в последний момент замечает, что у него серые носки. А костюм-то черный! Он говорит: «Да? Ну, ладно, в антракте переодену...». И как большой, тяжелый корабль, медленно покачиваясь, плывет по коридору к сцене. Флегматично ждет сигнала помрежа и с трудом протискивает свою фигуру в узкий дверной проем, неподражаемой вялой походкой выходит на сцену.

А потом происходит что-то, чего я не могу объяснить, проработав с ним вплотную два года и зная его почти всю жизнь, называя его по детской привычке Коля, как называл его мой папа, даже когда все вокруг давно уже звали его Николай Николаевич.

А происходит вот что: за то время, пока я бегу из-за кулис в зал и думаю, как бы публика не заметила эти серые носки, на сцене уже не Коля Волков, вернее, не только Коля Волков. Стоит человек Страдающий, страда-

Михаил ГУТЕРМАН

ющий Король. Клавдий, готовый к разговору с Богом и говорящий с ним на равных.

Король!

На репетициях всегда за кулисами кто-то разговаривал, сверлил стену или ронял металлический поднос с бутербродами к вечернему буфету. Коля никогда никому не делал замечаний. Я не знаю, почему и как все узнавали, какая голубиная почта начинала работать, но на его монолог в театре воцарялась (от слова Царь!) такая замороженная тишина, о которой можно только мечтать.

Да что тут говорить! И носки, и тишина, и даже мои слезы — это какие-то дурацкие детали чего-то, что невозможно сейчас охватить и выразить. А может быть, и не надо. Само проявится.

● Дмитрий КРЫМОВ